

ИЗДАЛЕКА носился шум проспекта Мира. За чашкой чаю мы беседуем с Юрием Богатыревым в его маленькой уютной квартире. Разговор идет легко, потому что рядом со мной внимательный и серьезный собеседник.

Впрочем, начну с самого начала. Я готовился к встрече с благополучным актером. Богатырев много снимается в кино, всем хорошо знакомы его роли; он много занят в театре и на телевидении, записывается на радио. Поэтому первое признание актера оказалось для меня совершенно неожиданным:

— Недавно исполнилось сорок лет; это время, когда понимаешь, что молодость ушла, что многие роли мы уже упустили; они никогда к тебе не придут. От этого становится совершенно невыносимо. Я иногда сижу и плачу.

— Но ведь актерский труд измеряется не количеством ролей, а интенсивностью существования в искусстве...

— И все же, артист — самая подневольная профессия на свете.

В последнее время мне становится неинтересно работать в кино. По нескольким фразам, которые режиссер роняет при первой встрече, я уже понимаю, что не смогу установить с ним человеческого контакта. А раз так, то я уверен, что и творчески не получится никакого результата.

— Тем не менее вам повезло в кино, так как вы встретились с Никитой Михалковым...

— Да, вы правы.

В новом фильме Михалкова «Очи черные» мне выпало счастье играть вместе с выдающимся итальянским актером Марчелло Мастоаянни. Это очень милый, доброжелательный, мягкий человек, с грустными и в то же время молодыми глазами. Так вот, Марчелло считает, и справедливо, что главный человек в кино — это режиссер. Поэтому, что бы ни сказал ему Михалков, какое бы задание ни давал, — тот совершенно безропотно (!) все выполнял. Он ловил каждое слово Никиты, каждый звук его голоса. Но Мастоаянни не учел одного обстоятельства. У Михалкова есть редкое качество — он умеет слушать и слышать актера, если тот предлагает ему какие-то делные вещи.

Мне легко работать с Михалковым. Мы понимаем друг друга с полуслова и существуем как бы на одной волне.

— А споры, конфликтные ситуации у вас бывают?

— Никогда.

— Интересно, как произошла ваша первая встреча?

— В театральном училище имени Щукина, где я учился, существовала традиция: на самостоятельные курсовые и дипломные работы студентов всегда приходили бывшие выпускники. На одном из таких показов меня и увидел Михалков.

Помню, мы играли тогда пьесу Леонида Филатова, который учился на два курса старше (в то время он писал много пьес и выдавал их за произведения итальянских драматургов — так они легче проходили). После просмотра Михалков пришел за кулисы и сказал: «Старик, нам надо с тобой работать» (он еще был студентом режиссерского факультета ВГИКа). Сказал и слово свое сдержал. В 1969 году Никита начал снимать свой дипломный фильм «Спокойный день в конце войны» по сценарию Ибрагимбекова и пригласил меня на небольшую роль. За месяц он отснял практически полнометражную картину, чем вызвал гнев и возмущение руководящих инстанций: не старайся доказать что-то; будь таким, как все, и изволь сделать из отснятого материала положенные две части. А разве можно в искусстве быть «таким, как все»?

— Мне кажется, что режиссерские работы Никиты Михалкова по-настоящему не оценены. — продолжает Юрий Георгиевич.

— ???

— Да, о нем много пишут. Но мало кто отмечает поразительное качество его режиссуры: он удивительно теплый режиссер. Мне стал близок его взгляд на искусство, которое может быть жестким, эксцентричным, каким угодно по форме, но оно обязательно должно рождать добрые и гуманные чувства. Михалков снимает картину о революции «Свой среди чужих...», а получается фильм прежде всего о высокой дружбе, товариществе, человеческой верности.

А вы помните, как ругали в прессе его «Родню»? За неуместную сатиру, цинич-

ное отношение к простым людям, надругательство и издевательство над ними. Да разве это так?

На мой взгляд, картина «Родня», как и остальные картины Михалкова, полна сострадания к людям. Ко всем людям. Даже к тому «ничтожеству» (как однажды назвали моего героя) — Стасику. А чем же он ничтожен? Ему изменила жена, которую он безумно любил, и у него осталась единственная радость в жизни — собирать коряги.

— Действительно, этот герой вызывает смех, но в результате и сочувствие. Как и другой персонаж — Войничев из «Неоконченной пьесы для механического пианино» — наивный славянофил в косоворотке, будто бы страдалец за Россию, а на самом деле — впусую прожигающий жизнь...

— А в картине «Обломов»? Мне становится жалко и Обломова, и Штольца, и Ольгу, и Алексея, и Захара. Даже тетку Ольгину жалко. И этого несчастного графа, который приезжал к Ольге свататься...

рав тогда «Современник». Мы все время были в работе, а во МХАТе той поры могли тихо и спокойно затеряться.

— И все-таки позже вы стали актером МХАТа...

— Да, посмотрев спектакли, сделанные Ефремовым в Художественном театре, я понял, как это интересно. И с другой стороны, я внутренне уже был готов, имея за плечами опыт шести лет работы в «Современнике».

— Многие актеры обращаются к режиссуре. Возникло ли у вас такое желание?

— Считаю, что режиссура — это особый, редкий талант, которого я в себе не чувствую.

— Юрий Георгиевич, я знаю, что на творческих встречах вы любите читать стихи. Что это, увлечение или еще одна профессиональная привязанность?

— Вообще у меня чтецкий запас довольно большой, потому что еще до поступления в театральный институт я учился во Всероссийской мастерской эстрадного искусства на отделении разговорного жанра. Попав туда, я сразу получил право выступать на сцене, так как мастерская принимает профессиональных артистов, которые готовят номера непосредственно для эстрады. То, что приняли меня «с улицы», с незаконченным средним образованием (после девятого класса я учился три года в художественном училище имени Калинина, где готовился стать художником-прикладником по коврам и тканям, а затем бросил училище, окончательно решив стать актером), — это, конечно, случайность, везение.

Мастерская стала для меня серьезной школой в области освоения художественного слова. Сегодня на своих творческих встречах я с удовольствием читаю стихи Пушкина, Есенина, Заболоцкого, прозу Чехова...

Читаю стихи Геннадия Шпаликова. Познакомился с ними во время съемок «Неоконченной пьесы...» благодаря Михалкову. По своей мудрости и простоте, глубокой поэтичности и безыскусности они произвели на меня неизгладимое впечатление...

Есть у Юрия Богатырева увлечение, которому он старается отдавать все свободное время, — это живопись.

Заслуженный артист РСФСР, лауреат премии Ленинского комсомола Юрий БОГАТЫРЕВ: «Каждая роль — это испытание себя»

— Рождение образа... Что движет актером в момент работы над ролью? Есть актеры, которые идут от себя к персонажу, сохраняя свои жизненные привычки, манеру речи, то есть играя один и тот же тип в разных предлагаемых обстоятельствах...

— Честно говоря, с такой позицией я не согласен, просто категорически не согласен. Если актер пользуется приемами, которые уже известны ему самому, здесь не может быть никаких открытий. Мне, наоборот, интересно раствориться в другом человеке. Так, работая над ролью Филиппка в фильме Ильи Авербаха «Объяснение в любви», я даже стал вегетарианцем и ел в этот период только овощи и фрукты, бросил курение.

Для меня каждая роль — это испытание себя, а главное — постоянная ломка нарботанных штампов.

— А можно ли в театре избежать привычных приемов игры? Скажем, участие в одном и том же спектакле — где грань между мастерством и вдохновением?

— Все зависит от самого актера, его отношения к своей работе. В прошлом, мхатовские «старички» приходили в театр за четыре часа до начала спектакля, — постепенно настраивались, сосредоточивались. Сейчас другое время, другие ритмы, все происходит значительно быстрее, но мне милее именно тот, прежний подход.

Я всегда выхожу на сцену, как будто в первый и последний раз. Скоро 150-й раз сыграем «Тартюфа», а я каждый раз безумно волнуюсь за кулисами. Сразу вспоминаю свою любимую актрису Фаину Георгиевну Раневскую, которая однажды призналась, что перед выходом на сцену всегда умирала со страха. Но стоило ей только переступить порог, как волнение моментально проходило. Со мной — аналогичная ситуация.

ВДОХНОВЕНИЕ... Когда оно приходит?.. Я люблю бродить по арбатским переулкам в сумерки. Время таинственное, странное, лютует мало. Сумерки пугают, но вдруг наступает какой-то момент, когда приходят интересные мысли. Когда внезапно может наступить озарение.

— Юрий Георгиевич, как вы относитесь к суждению о том, что в искусстве существует определенная цикличность?

— По-моему, это закономерное явление.

Театр, как выяснено, может существовать 7 — 10 лет, после чего идет на спад в своем развитии. Я был принят в «Современник» в 1971 году, когда за театром еще тянулся шлейф прошлых побед и свершений, по положению уже было крайне сложным.

Нелегкая ситуация существовала и во МХАТе в 60-е годы. Это был театр для командированных, как его называли. Сейчас трудно поверить, что зрительный зал иногда насчитывал 100—200 человек. И только с приходом Ефремова МХАТ вновь воспрял духом.

Кстати, Олег Николаевич приглашал нас с Костей Райкиным, моим товарищем и однокурсником, в Художественный театр сразу после окончания училища.

— Почему же вы отказались?

— Два часа у нас была беседа с Ефремовым. Он рисовал довольно мрачную картину, которая существовала во МХАТе, после чего сказал: «Ну вот, ребята, решайте». И мы испугались.

Думаю, что поступили правильно, выб-

Юрий Георгиевич показывает мне свои рисунки. Почти все они связаны с театром, кинематографом. Иллюстрации к спектаклям и фильмам, литературным произведениям (хотя чистой иллюстрацией их не назовешь — это свое, самостоятельное видение художественного образа); шаржи на друзей-актеров и режиссеров; есть и пейзажные картинки на тему «Времена года», жанровые зарисовки из серии «Арбатские старушки»...

— Мне близка живопись реалистического направления. Не понимаю беспредметного, абстрактного искусства и не могу относиться к этому серьезно.

Люблю делать гротесковые рисунки, что, наверное, исходит из моей актерской натуры (хотя прямой взаимосвязи между живописью и работой у меня не существует, когда я готовлю новую роль, то вынашиваю образ скорее в уме, а не фиксирую его на бумаге). Мне не интересно играть «сухо на правде»; я всегда стараюсь немножко укрупнить черты персонажа.

Для меня важен каждый кусочек пространства в рисунке. Почему, допустим, мне милы «мирискусники» — Бакст, Добужинский, Бенуа, Соколов? Они создавали замечательные, изящные живописные картинку, но всегда можно понять драматургию их произведений, представить себе характеры.

...Порхнув на колени к Андрею, Наташа поправляет ему прическу — почти семейная идиллия, если бы не покорная обреченность и тоска во взгляде Андрея и улыбка, нет, скорее уродливый оскал и мысли о другом у Наташи. Эта композиция сделана к «Трем сестрам» Чехова. Богатырев как бы фантазирует действие, происходящее за пределами сцены, при этом точно передавая атмосферу, в которой существуют герои. Вот Маша и Вершинин, а между ними спит в неведении Кулгин; здесь же, над диваном, висит маленький портрет с изображением жены и дочерей Вершинина. А вот строгая, подтянутая Ольга с розгой в руке; за ней шагает строй девочек-гимназисток...

— От многих спектаклей, сделанных по пьесам Чехова, веет смертельной скукой. А ведь Чехов, на мой взгляд, удивительно острый, жесткий писатель; у него анатомизирующий взгляд на вещи. Да, он тонко передает настроение. Но какой контраст происходит при этом в отношениях между людьми, какая дисгармония! Чехов всю жизнь писал о человеческом эгоизме, о том, что люди не слышат, не замечают друг друга. Вместе с тем он любил людей, жалел их, страдал им...

— Юрий Георгиевич, когда наступают трудные минуты, в чем вы черпаете силы?

— Вообще я не умею порхать по жизни и страдаю от многих вещей. От человеческой грубости, бестактности, когда считают, что если ты артист, то уже не принадлежишь себе, и поэтому любой человек может написать в письме все, что о тебе думает (предварительно собрав сплетни), долго звонить в квартиру, понимая, что артист беспомощен. А ведь у актера идет своя, очень сложная жизнь. Артист не имеет даже права заниматься личной жизнью так много, как другие.

Когда мне трудно, я думаю о том, что у меня есть любимая профессия, и она является главным в моей жизни (не понимаю актеров, которые на первое место ставят личные блага, а где-нибудь на четвертом плане — работу); что я играю в Московском художественном театре; что я встречался на сцене с Зуевой, Кторовым, а сейчас играю со Степановой, Прудкиным; что работал с Эфросом и работаю с Ефремовым; что у меня есть любимое увлечение; что есть настоящие друзья, и прежде всего — мой учитель Владимир Ильич Тарасов, который учил меня еще в школе и привил тягу к рисованию, Ия Сергеевна Саввина, Лена Соловей...

Поэтом могу сказать, что я, наверное, — счастливый человек. Я стараюсь жить с предвкушением, что лучшее еще впереди.

Вадим ВЕРНИК.

НЕОЖИДАННЫЙ РАЗГОВОР

Заслуженный артист РСФСР, лауреат премии Ленинского комсомола Юрий БОГАТЫРЕВ: «Каждая роль — это испытание себя»

рав тогда «Современник». Мы все время были в работе, а во МХАТе той поры могли тихо и спокойно затеряться.

— И все-таки позже вы стали актером МХАТа...

— Да, посмотрев спектакли, сделанные Ефремовым в Художественном театре, я понял, как это интересно. И с другой стороны, я внутренне уже был готов, имея за плечами опыт шести лет работы в «Современнике».

— Многие актеры обращаются к режиссуре. Возникло ли у вас такое желание?

— Считаю, что режиссура — это особый, редкий талант, которого я в себе не чувствую.

— Юрий Георгиевич, я знаю, что на творческих встречах вы любите читать стихи. Что это, увлечение или еще одна профессиональная привязанность?

— Вообще у меня чтецкий запас довольно большой, потому что еще до поступления в театральный институт я учился во Всероссийской мастерской эстрадного искусства на отделении разговорного жанра. Попав туда, я сразу получил право выступать на сцене, так как мастерская принимает профессиональных артистов, которые готовят номера непосредственно для эстрады. То, что приняли меня «с улицы», с незаконченным средним образованием (после девятого класса я учился три года в художественном училище имени Калинина, где готовился стать художником-прикладником по коврам и тканям, а затем бросил училище, окончательно решив стать актером), — это, конечно, случайность, везение.

Мастерская стала для меня серьезной школой в области освоения художественного слова. Сегодня на своих творческих встречах я с удовольствием читаю стихи Пушкина, Есенина, Заболоцкого, прозу Чехова...

Читаю стихи Геннадия Шпаликова. Познакомился с ними во время съемок «Неоконченной пьесы...» благодаря Михалкову. По своей мудрости и простоте, глубокой поэтичности и безыскусности они произвели на меня неизгладимое впечатление...

Есть у Юрия Богатырева увлечение, которому он старается отдавать все свободное время, — это живопись.

Юрий Георгиевич показывает мне свои рисунки. Почти все они связаны с театром, кинематографом. Иллюстрации к спектаклям и фильмам, литературным произведениям (хотя чистой иллюстрацией их не назовешь — это свое, самостоятельное видение художественного образа); шаржи на друзей-актеров и режиссеров; есть и пейзажные картинки на тему «Времена года», жанровые зарисовки из серии «Арбатские старушки»...

— Мне близка живопись реалистического направления. Не понимаю беспредметного, абстрактного искусства и не могу относиться к этому серьезно.

Люблю делать гротесковые рисунки, что, наверное, исходит из моей актерской натуры (хотя прямой взаимосвязи между живописью и работой у меня не существует, когда я готовлю новую роль, то вынашиваю образ скорее в уме, а не фиксирую его на бумаге). Мне не интересно играть «сухо на правде»; я всегда стараюсь немножко укрупнить черты персонажа.

Для меня важен каждый кусочек пространства в рисунке. Почему, допустим, мне милы «мирискусники» — Бакст, Добужинский, Бенуа, Соколов? Они создавали замечательные, изящные живописные картинку, но всегда можно понять драматургию их произведений, представить себе характеры.

...Порхнув на колени к Андрею, Наташа поправляет ему прическу — почти семейная идиллия, если бы не покорная обреченность и тоска во взгляде Андрея и улыбка, нет, скорее уродливый оскал и мысли о другом у Наташи. Эта композиция сделана к «Трем сестрам» Чехова. Богатырев как бы фантазирует действие, происходящее за пределами сцены, при этом точно передавая атмосферу, в которой существуют герои. Вот Маша и Вершинин, а между ними спит в неведении Кулгин; здесь же, над диваном, висит маленький портрет с изображением жены и дочерей Вершинина. А вот строгая, подтянутая Ольга с розгой в руке; за ней шагает строй девочек-гимназисток...

— От многих спектаклей, сделанных по пьесам Чехова, веет смертельной скукой. А ведь Чехов, на мой взгляд, удивительно острый, жесткий писатель; у него анатомизирующий взгляд на вещи. Да, он тонко передает настроение. Но какой контраст происходит при этом в отношениях между людьми, какая дисгармония! Чехов всю жизнь писал о человеческом эгоизме, о том, что люди не слышат, не замечают друг друга. Вместе с тем он любил людей, жалел их, страдал им...

— Юрий Георгиевич, когда наступают трудные минуты, в чем вы черпаете силы?

— Вообще я не умею порхать по жизни и страдаю от многих вещей. От человеческой грубости, бестактности, когда считают, что если ты артист, то уже не принадлежишь себе, и поэтому любой человек может написать в письме все, что о тебе думает (предварительно собрав сплетни), долго звонить в квартиру, понимая, что артист беспомощен. А ведь у актера идет своя, очень сложная жизнь. Артист не имеет даже права заниматься личной жизнью так много, как другие.

Когда мне трудно, я думаю о том, что у меня есть любимая профессия, и она является главным в моей жизни (не понимаю актеров, которые на первое место ставят личные блага, а где-нибудь на четвертом плане — работу); что я играю в Московском художественном театре; что я встречался на сцене с Зуевой, Кторовым, а сейчас играю со Степановой, Прудкиным; что работал с Эфросом и работаю с Ефремовым; что у меня есть любимое увлечение; что есть настоящие друзья, и прежде всего — мой учитель Владимир Ильич Тарасов, который учил меня еще в школе и привил тягу к рисованию, Ия Сергеевна Саввина, Лена Соловей...

Поэтом могу сказать, что я, наверное, — счастливый человек. Я стараюсь жить с предвкушением, что лучшее еще впереди.

Вадим ВЕРНИК.

Юрий Георгиевич показывает мне свои рисунки. Почти все они связаны с театром, кинематографом. Иллюстрации к спектаклям и фильмам, литературным произведениям (хотя чистой иллюстрацией их не назовешь — это свое, самостоятельное видение художественного образа); шаржи на друзей-актеров и режиссеров; есть и пейзажные картинки на тему «Времена года», жанровые зарисовки из серии «Арбатские старушки»...

— Мне близка живопись реалистического направления. Не понимаю беспредметного, абстрактного искусства и не могу относиться к этому серьезно.

Люблю делать гротесковые рисунки, что, наверное, исходит из моей актерской натуры (хотя прямой взаимосвязи между живописью и работой у меня не существует, когда я готовлю новую роль, то вынашиваю образ скорее в уме, а не фиксирую его на бумаге). Мне не интересно играть «сухо на правде»; я всегда стараюсь немножко укрупнить черты персонажа.

Для меня важен каждый кусочек пространства в рисунке. Почему, допустим, мне милы «мирискусники» — Бакст, Добужинский, Бенуа, Соколов? Они создавали замечательные, изящные живописные картинку, но всегда можно понять драматургию их произведений, представить себе характеры.

...Порхнув на колени к Андрею, Наташа поправляет ему прическу — почти семейная идиллия, если бы не покорная обреченность и тоска во взгляде Андрея и улыбка, нет, скорее уродливый оскал и мысли о другом у Наташи. Эта композиция сделана к «Трем сестрам» Чехова. Богатырев как бы фантазирует действие, происходящее за пределами сцены, при этом точно передавая атмосферу, в которой существуют герои. Вот Маша и Вершинин, а между ними спит в неведении Кулгин; здесь же, над диваном, висит маленький портрет с изображением жены и дочерей Вершинина. А вот строгая, подтянутая Ольга с розгой в руке; за ней шагает строй девочек-гимназисток...

— От многих спектаклей, сделанных по пьесам Чехова, веет смертельной скукой. А ведь Чехов, на мой взгляд, удивительно острый, жесткий писатель; у него анатомизирующий взгляд на вещи. Да, он тонко передает настроение. Но какой контраст происходит при этом в отношениях между людьми, какая дисгармония! Чехов всю жизнь писал о человеческом эгоизме, о том, что люди не слышат, не замечают друг друга. Вместе с тем он любил людей, жалел их, страдал им...

— Юрий Георгиевич, когда наступают трудные минуты, в чем вы черпаете силы?

— Вообще я не умею порхать по жизни и страдаю от многих вещей. От человеческой грубости, бестактности, когда считают, что если ты артист, то уже не принадлежишь себе, и поэтому любой человек может написать в письме все, что о тебе думает (предварительно собрав сплетни), долго звонить в квартиру, понимая, что артист беспомощен. А ведь у актера идет своя, очень сложная жизнь. Артист не имеет даже права заниматься личной жизнью так много, как другие.

Когда мне трудно, я думаю о том, что у меня есть любимая профессия, и она является главным в моей жизни (не понимаю актеров, которые на первое место ставят личные блага, а где-нибудь на четвертом плане — работу); что я играю в Московском художественном театре; что я встречался на сцене с Зуевой, Кторовым, а сейчас играю со Степановой, Прудкиным; что работал с Эфросом и работаю с Ефремовым; что у меня есть любимое увлечение; что есть настоящие друзья, и прежде всего — мой учитель Владимир Ильич Тарасов, который учил меня еще в школе и привил тягу к рисованию, Ия Сергеевна Саввина, Лена Соловей...

Поэтом могу сказать, что я, наверное, — счастливый человек. Я стараюсь жить с предвкушением, что лучшее еще впереди.

Вадим ВЕРНИК.

Есть у Юрия Богатырева увлечение, которому он старается отдавать все свободное время, — это живопись.